

В комнате на какое-то время воцарилась тишина. Цзян Лэ совершенно не знал, как ответить. Голова гудела, и он даже начал думать: не является ли происходящее галлюцинацией после травмы головы.

Но реальность стояла перед глазами. Ни одно ощущение нельзя было игнорировать, а лёгкая боль на укушенных губах всё ещё не исчезла.

Если сделать шаг назад, некоторые предчувствия появились не только сейчас, когда всё было вынесено наружу. Цзян Лэ должен был признать: ещё задолго до этого, примерно с тех пор как волчонок обрёл человеческий облик, это смутное ощущение нарушения границы всё время витало вокруг них. Просто теперь оно прямо встало перед Цзян Лэ.

Возможно, он должен был сначала оттолкнуть человека на себе, а потом строго сказать ему, что такое поведение неправильно, что в будущем так делать нельзя, что между ними отношения хозяина и питомца, ничем не отличающиеся от его отношений с кровавой лозой или мутировавшим женьшенем снаружи.

Но Цзян Лэ совершенно не мог произнести таких слов. Сейчас волчонок был расстроен, и в первую секунду Цзян Лэ даже захотел сначала утешить его. Вопрос о том, правильно это или нет, почему-то не оказался на первом месте.

Несколько чувств переплелись вместе, вызывая у Цзян Лэ лёгкое бессилие. Он сам не заметил, когда поднял руку и положил её на затылок того, кто был у него в объятиях. Пальцы прощлись по коротким волосам волчонка. Чёрные глаза встретились с голубыми. Цзян Лэ тихо вздохнул.

— Прости, что заставил тебя волноваться.

Взгляд волчонка будто затянуло в глаза Цзян Лэ. Он невольно снова потянулся ближе, но на этот раз двигался недостаточно быстро. Прежде чем он успел добиться желаемого, Цзян Лэ ладонью закрыл ему рот.

— Что ты делаешь? Не заводи такую дурную привычку. Это неправильно, — сказал Цзян Лэ. На лице у него выступил румянец, которого он сам не осознавал.

— Почему? — голос волчонка через ладонь звучал неразборчиво.

Цзян Лэ не знал, как сформулировать ответ. Он замешкался на несколько секунд и так и не смог выдать объяснение, которое удовлетворило бы его самого. Ему казалось, что волчонок не понимает настоящего смысла этого действия, и он уже хотел как-нибудь отмахнуться. Но неожиданно волчонок снова заговорил:

— Я хочу, чтобы ты стал моей парой. Между парой так делать можно.

Это же был волк, которого он вырастил с детства собственными руками. Цзян Лэ не понимал, когда тот успел разобраться в таких вещах. Неужели поиск пары и правда является инстинктом всех живых существ?

— Ты волк, а я человек. Между нами...

Волчонок перебил его:

— Но сейчас я могу всё время сохранять человеческий облик.

— Но даже так мы оба мужчины, — Цзян Лэ уже совсем не знал, какой повод придумать, и лишь надеялся несколькими словами отделаться от волчонка.

Но он не ожидал, что волчонок, обычно немногословный, сейчас окажется таким ловким на язык:

— Но когда мы были в Ланьму, те две обладательницы способностей тоже обе были женщинами.

Тогда Цзян Лэ тоже понял, что Цинь Ин и Лю Ханьюй — пара, но совершенно не ожидал, что волчонок тоже обратил на это внимание и даже разобрался.

К этому моменту Цзян Лэ исчерпал все отговорки. Он поднял другую руку, закрыл себе лоб и глаза и пробормотал:

— Боже, как у меня болит голова ...

Изначально это было лишь преувеличенным выражением его беспомощности, потому что он оказался загнан в угол и не знал, что сказать. Но волчонок принял его слова всерьёз. В его глазах сразу появилась тревога.

— Кроме головы, ещё где-нибудь болит? Тогда не говори. Сначала хорошо отдохни.

Волчонок переложил Цзян Лэ к внутренней стороне кровати, даже укрыл тонким одеялом и подоткнул края.

Цзян Лэ не ожидал, что одна случайная фраза даст такой эффект, но тут же воспользовался возможностью. Он тихо повернул голову в сторону, плотно закрыл глаза и решил сначала избежать этой атмосферы, где его словно принуждали к признанию.

Позже он и сам не понял, когда уснул. Вероятно, тело было ранено слишком тяжело и инстинктивно требовало больше времени на отдых. Когда Цзян Лэ снова проснулся, уже рассвело.

Он привычно огляделся и обнаружил, что волчонка в комнате нет. Только тогда он слегка выдохнул.

После ещё одной ночи отдыха состояние Цзян Лэ снова улучшилось. Контроль над конечностями восстановился примерно на треть или наполовину. Первым делом после подъёма он открыл системную панель и проверил состояние работников на ферме.

В целом у работников фермы всё было неплохо. Они сохраняли почти такой же рабочий порядок, как раньше. Просто внутри фермы появилось множество чёрных точек. Они обозначали чужаков, не относящихся ни к работникам фермы, ни к принятым беженцам.

Сейчас эти чужаки были разбросаны почти по всей ферме, а больше всего их скопилось перед складами. Их личность нетрудно было представить. Все они были обладателями способностей, которых Сян Пин отправил перевозить фермерские саженцы и продукцию.

Когда-то Цзян Лэ говорил Мао Сяофэю: если встретятся желающие торговать и они смогут предоставить ресурсы вроде кристаллических ядер, с ними тоже можно обмениваться. Тогда эта фраза была сказана не для Сян Пина, но сейчас явно сработала именно на нём.

В уведомлениях о сделках на панели отображалось несколько кристаллических ядер довольно высокого уровня. Для того, что Сян Пину нужно было забрать сегодня, их ценность уже полностью покрывала стоимость.

Текущая проблема заключалась в другом: после того как офисное здание и другие постройки были разобраны, как Цзян Лэ теперь общаться с Мао Сяофэем и остальными. Конечно, можно было напечатать сообщение на доске объявлений, но сейчас ферма была полна людей Сян Пина. Если он необдуманно передаст информацию через доску объявлений, это будет почти равносильно добровольному разоблачению.

То, что Сян Пин считал его мёртвым, было шансом, который можно использовать. Пока у него не будет достаточной уверенности в переломе ситуации, раскрывать себя вслепую означало только впустую тратить возможность.

Размышляя, Цзян Лэ незаметно открыл личную панель работника. У каждого работника фермы была своя информационная панель, просто с ростом числа работников Цзян Лэ уже редко открывал их по одной.

Но сколько бы работников ни было на ферме, данные Мао Сяофэя всегда оставались на первой странице. Сейчас, кроме жизненной силы, всё ещё находившейся в диапазоне ранения, остальные показатели Мао Сяофэя были неплохими. Взгляд Цзян Лэ сдвинулся от базовых данных вниз, и он увидел графу личных вещей Мао Сяофэя.

«Блокнот для записей».

Цзян Лэ помнил этот блокнот. Мао Сяофэй обычно носил его при себе. Он всегда говорил, что память у него плохая и сам он глупый, поэтому каждый день записывает то, что считает нужным запомнить.

Пальцы Цзян Лэ коснулись этого блокнота. Неожиданно тот засветился, и Цзян Лэ смог прямо с панели читать его содержимое.

Он попробовал открыть страницы Кун Шуи и других. Там тоже отображались некоторые вещи, которые они сейчас носили при себе, но после касания никакой подобной реакции не появлялось. Цзян Лэ предположил, что это может быть связано с отношением владельца предмета. Для Мао Сяофэя всё его существо могло быть раскрыто перед Цзян Лэ, и он полностью подчинялся его указаниям. Поэтому блокнот и получил такую функцию.

Это сильно облегчало жизнь Цзян Лэ. Он взял ручку, закреплённую на блокноте в графе вещей, и на последней странице, после последней строки, нарисовал арбуз.

Поскольку Цзян Лэ пока не мог быть уверен, что этот блокнот не увидят другие, он мог лишь сначала провести такую маленькую проверку.

Никакого отклика временно не пришло, а статус Мао Сяофэя всё ещё был «работает». Цзян Лэ сначала закрыл панель, встал с кровати и пошёл умываться.

Волчонок был прав: от него действительно пахло змеёй. Хотя запах уже становился всё слабее, всё равно лучше было помыться.

Когда Цзян Лэ вышел из ванной, он сам почувствовал, что стал куда свежее.

Было только утро, но столовую на ферме Цзян Лэ тоже временно убрал. А большая часть еды

навынос, когда-то сложенной на складе, уже почти вся была съедена. Так что если Цзян Лэ хотел чего-нибудь поесть, ему пришлось бы готовить самому.

Однако, выйдя из комнаты, Цзян Лэ не стал первым делом искать еду для себя. Он достал со склада куски мяса, которые привыкли есть питомцы, и сначала накормил их. Кроме свежего мяса, важнее были кристаллические ядра.

К счастью, Цзян Лэ заранее всё рассортировал именно для того, чтобы в любой момент можно было удобно достать нужное, а не разбираться на ходу полдня.

Волчонок в исходном облике сторожил у двери домика. Только когда Цзян Лэ вышел, он открыл глаза, поднялся и пошёл следом. Глядя, как Цзян Лэ достаёт куски мяса и кладёт их перед ним, он не сразу начал есть. Сначала он смотрел, как Цзян Лэ кормит двух других питомцев, и лишь когда взгляд Цзян Лэ снова вернулся к нему, коснулся мясных кусков пастью.

Это было больше похоже не на еду, а на то, как он их перебирает.

Раньше в такие моменты Цзян Лэ обычно подходил, брал мясо и собственноручно подносил его ко рту волчонка. Когда тот съедал кусок, он давал следующий. Сейчас Цзян Лэ инстинктивно тоже хотел так поступить, но сделал шаг и остановился.

Излишняя снисходительность уже вырастила в волчонке что-то не совсем правильное. В будущем так точно больше нельзя.

Цзян Лэ прочистил горло и сказал:

— Я выйду посмотреть, где мы сейчас. Вы ешьте.

Волчонок сразу перестал толкать кучку мяса, принял человеческий облик, в одно мгновение оказался перед Цзян Лэ и схватил его за руку.

— Я тоже пойду.

Цзян Лэ не смог отказать и взял волчонка с собой.

Кровавая лоза на этом неплохо нажилась. Убедившись, что волчонок и Цзян Лэ исчезли, она тут же поддела лозами его мясо и перетащила к своему участку. Заодно спросила мутировавший женьшень:

— Брат, тебе пару кусков дать? Это отличный товар.

Кровавая лоза вовсе не преувеличивала. Просто сам Цзян Лэ никогда не замечал одной детали. Каждый раз, когда он кормил питомцев, он либо выбирал для волчонка более нежные виды мяса, либо самые мягкие части одного и того же мутировавшего вида. До сих пор он сохранял привычку кормить маленького волчонка и не задумывался, что нынешняя сила укуса волчонка позволяет ему есть не только это мясо, но даже кости грызть так же легко, как втягивать мягкий тофу.

Предвзятость была, но кровавая лоза давно привыкла. Всё равно из-за этого вонючий волк становился привередливым, а она всегда могла воспользоваться случаем и съесть лишнюю половину порции.

Мутировавший женьшень протянул:

— Угу.

И молча принял большой кусок мяса, который дочерняя лоза подала ему, словно на вилке. Два растительных мутировавших вида ладили вполне мирно.

А за пределами пространства Цзян Лэ и волчонок снова появились в той пещере, где Цзян Лэ очнулся.

Волчонок сделал несколько шагов вперёд, первым проверяя дорогу, а затем отодвинул камень у входа, впуская дневной свет внутрь пещеры.

Из-за самой пещеры Цзян Лэ думал, что находится где-то в глубокой горной чаше. Но, выйдя наружу, понял, что это совсем не так. Позади пещеры действительно виднелись очертания лесистых холмов, но впереди, совсем недалеко, насколько хватало глаз, простирался огромный пляж.

Светло-голубые волны мерно накатывали на берег. Морской ветер дул в лицо и приносил особый запах моря.

Если смотреть только на пейзаж, до апокалипсиса здесь достаточно было бы сделать случайное фото и выложить в соцсети, чтобы место стопроцентно стало популярной точкой для туристов. А теперь оно превратилось в тихий уголок, где никто не мешал.

Многие вещи Цзян Лэ не нужно было произносить вслух. Он лишь взглянул на волчонка, и тот на месте вернулся в волчий облик, одним движением посадил Цзян Лэ себе на спину. Гигантский волк помчался вдоль береговой линии и сделал круг, позволяя им осмотреть окрестности.

Оказалось, место, где они находились, было островом. От материка он располагался не слишком далеко, но всё равно расстояние составляло больше десяти километров. Однако чёрная змея выбрала место действительно безошибочно. Цзян Лэ выпустил пять чувств наружу и в пределах острова почти не ощущал серьёзных мутировавших аур. Даже те, что были, относились к крайне низкому типу.

Наверное, именно поэтому чёрная змея ограничилась тем, что завалила вход в пещеру большим камнем, и этого хватило, чтобы обеспечить Цзян Лэ безопасность.

Раз она спасла его сюда, значит, не хотела, чтобы он умер. По сравнению с другими местами Цзян Лэ счёл, что задержаться здесь на некоторое время, возможно, тоже неплохо.

Спрыгнув со спины волчонка, Цзян Лэ остановился у входа в пещеру и велел волчонку помочь сложить из камней простую плиту. Затем достал из пространства посуду, кастрюли и приправы. Временная кухня была готова.

Цзян Лэ поставил тушиться несколько кусков говядины. После простой обработки он добавил специи и оставил мясо томиться на медленном огне. Сейчас он не был особенно голоден, так что мог потратить на еду больше времени.

Пещеру он тоже не оставил пустой. Цзян Лэ достал из пространства стол, стулья и табуреты, превратив её в простой временный дом. Если окружающая обстановка была безопасной, Цзян Лэ всегда больше любил находиться вне пространства и соприкоснуться с настоящим миром.

Он не стал держать наевшихся кровавую лозу и мутировавший женьшень внутри пространства и тоже вынес их наружу, позволив свободно двигаться.

До суши отсюда было некоторое расстояние, а запах мутировавших морских существ прикрывал их. Ауры кровавой лозы и мутировавшего женьшеня были не слишком заметны, и они могли спокойно расслабиться.

Сам Цзян Лэ лёг на пляжное кресло с помидором в руке и наслаждался редким отдыхом.

Звуки системных уведомлений он настроил заранее. Положительные уведомления были очень тихими и, когда появлялись в голове, почти могли быть проигнорированы. А громкость отрицательных он увеличил, чтобы сразу реагировать.

С тех пор как он вернулся в реальный мир, системные уведомления время от времени звучали. Поначалу Цзян Лэ открывал их и проверял, но после нескольких одинаковых сообщений почти перестал обращать внимание на эти положительные напоминания.

Содержание уведомлений сводилось к одному: саженцы фермы люди Сян Пина перевозят на разные базы. Скорость этой перевозки была настолько высокой, что за несколько дней могла превзойти всё количество саженцев, которое Цзян Лэ раньше продал наружу.

Сян Пин хотел использовать эти саженцы, чтобы завершить своё определение «нормального мира». Но с обратной стороны он помогал Цзян Лэ расширять зону посадок.

Цзян Лэ проглотил последний кусок помидора и краем глаза взглянул на волчонка, лежавшего на соседнем пляжном кресле.

С тех пор как Цзян Лэ проснулся, волчонок больше не говорил странных вещей вроде вчерашних. Казалось, он уже обо всём забыл.

Хорошо бы и правда забыл, мысленно помолился Цзян Лэ. Почувствовав запах тушёной говядины позади, он поднялся, подошёл к плите, приподнял крышку и несколько раз помешал ложкой, чтобы продукты не пристали ко дну. Рядом, у разделочной доски, несколько дочерних лоз работали вместе: одни держали кухонный нож, другие придерживали овощи. Лук, морковь и картофель уже были нарезаны больше чем наполовину.

А материнская лоза кровавой лозы устроилась рыбаком на берегу. Даже когда свирепые мутировавшие рыбы в море откусывали лозы, она не сдавалась. Только мутировавший женьшень сохранял совершенно мирное настроение: просто стоял у моря, ловил ветер и любовался пейзажем.

Цзян Лэ достал ещё одну маленькую кастрюлю, положил туда рис, налил воды и расчистил рядом с плитой место для варки. Атмосфера была совсем неплохой.

Пока внезапно со стороны материка не пришли колебания способности. Чёрная змея двигалась так быстро, что в воде, казалось, всего дважды прыгнула и уже оказалась на острове. Но в то же мгновение, когда она снова коснулась острова, мутировавший волк с такой же скоростью вылетел навстречу, сбил чёрную змею на землю и распахнул пасть, намереваясь перекусить ей смертельное место за головой.

— А-а-а! — чёрная змея испугалась по-настоящему. Змеиное тело перекаатилось по земле и кое-как увернулось.

За эти два дня по распоряжению Сян Пина она снова эволюционировала и тоже стала мутировавшим видом 10-го уровня. Но в реальности, если не было приказа Сян Пина, у чёрной змеи большую часть времени не было слишком сильной жажды убийства. В этом она совершенно отличалась от волчонка. У того, напротив, жажда убийства была тяжёлой. Просто обычно Цзян Лэ её сдерживал.

Казалось, вот-вот начнётся жестокая схватка, но крик Цзян Лэ изменил ситуацию.

— Сяо Лан, стой!

Ауру чёрной змеи Цзян Лэ и волчонок ощутили почти одновременно. Но по сравнению с тем, как волчонок мгновенно принял истинный облик и помчался к источнику ауры, Цзян Лэ из-за ран двигался на несколько шагов медленнее.

Поэтому, когда он прибежал, волчонок и чёрная змея уже сцепились. Опомнившись, чёрная змея тоже не была доброй овечкой: её хвост уже пытался обвить волчье тело. Если бы Цзян Лэ не остановил их, эти два мутировавших вида, встретившись в дикой природе, непременно дрались бы до смерти одного из них.

Но остановиться тоже было нелегко. Две гигантские твари всё ещё источали свирепость и в любой момент могли снова броситься друг на друга.

Цзян Лэ пришлось встать между ними миротворцем:

— Всё, всё. Давайте не будем драться, хорошо?

Оба были мутировавшими видами 10-го уровня. Если начнут драться всерьёз, закончить будет непросто. Цзян Лэ знал, что звёздный потенциал волчонка подавляет чёрную змею и в драке он не проиграет. Но чёрная змея ведь никогда не проявляла к нему злого умысла, даже спасла ему жизнь. Цзян Лэ всё-таки не хотел относиться к ней как к врагу.

Что до прочих интриг, например могла ли чёрная змея оказаться шпионом, которого послал Сян Пин, то, во-первых, Сян Пину не было необходимости так поступать. Во-вторых, Цзян Лэ считал, что у чёрной змеи, пожалуй, нет настолько высокого интеллекта.

Правда, скорость её повышения уровня была слишком странной. Казалось, ей, в отличие от волчонка и остальных, вообще не требовалось дополнительное время на спячку и усвоение.

<http://bllate.org/book/17649/1691188>